

- 1.
- 2.
- 3.
- 4. Митани К.
- 5. Академия смеха
- 6. Москва — Московский драм. театр им. А. С. Пушкина
- 7. реж. — Козак Р. Е.

В Московском драматическом театре имени А. С. Пушкина премьерная в плане нового художественного руководителя Романа Козака спектакль "Академия смеха" постановка по современной японской пьесе драматурга Коки Митани. Играется он не на основной сцене, а на небольшой площадке филиала, дающей простор для эксперимента.

Режиссер "Академия..." Козак пошел на своего рода эксперимент, пригласил на роль цензора Сакисака Николая Фоменко, драматического актера по профессии, увы, разменившего весь свой багаж мастерства, но сумевшего в этой работе собрать его по крупицам заново. Партнер Фоменко — приглашенный из МХАТа Андрей Панин, играющий писателя Цубаки.

Крошечную тьму прорезает дуг света, освещающей фигуру Панина-Цубаки. Его движения медленные и слышны. Лидо застыло в маске, выражающей "ничто". Всего считанные минуты длится эта сцена, рождающая ассоциации, связанные с японским театром Но, и погружающая в загадочный мир страны восходящего солнца. Сценическое пространство стилизовано, оно наполнено деталями, отсылающими к месту происходящих событий. Низенький столик посередине, невысокие стулья, японские домики в миниатюре, выстроенные в стройную линию Скамеечка-воронечник для задевающей к Цензору вороны Мусаши. Точилка, прикрепленная к столу, которой Сакисаки заточивает свои карандаши, чтобы перечеркивать ими пьесы. Домик, служащий "самоваром" в чайной церемонии, чаша и стопочки, и даже коробочка для пирожков — все несет в себе указание на тонко выкристаллизованный, избегающий острых углов японский стиль.

Действие разворачивается в небольшом квадрате, огороженном невысоким забором. С двух сторон площадки расположены ряды зрителей — болельщиков напряженного состязания. Сцена преобразуется в ринг — поле, на котором наносят друг другу удары Цензор и Писатель. Их движения внутри этой площадки подчинены правилам боя: один наступает, а второй защищается, один наносит удар, а второй ставит блок. Врешь, и оба расходятся, занимая противоположные стороны. Спектакль разделен на акты и сцены, а на раунды.

Писатель Цубаки — Шекспир нового времени японского образца. Так же, как и английский драматург, Цубаки владеет собственной труппой, носящей название "Академия смеха", и в ней есть ведущий актер, который любит вставлять в каждый спектакль фразу: "Извините, но я в тысячу раз лучше на вашем театральном подиуме". И так же, как Шекспир, Цубаки пишет свои пьесы на конкретных актеров. Он создает пародию на известную пьесу "Ромео и Джульетта" и приходит с ней к Цензору.

Толстокожий Сакисака неспособен понять условности и воспринимает все буквально. К тому же он начисто лишен чувства юмора. Пришлось же побороться с собой Николаю Фоменко. Его Сакисака уперт, как сто волов, тверд и непробиваем, как бетонная стена, и закрыт, как консервная банка. Насколько тяжел цензор Сакисака, настолько легко, почти воздушен насател Цубаки. Андрей Панин показывает чудеса гибкости и пластичности. Он словно парит над сценой. Его отличает не только владение телом, но и речью. Он говорит по-проточно, придавая речу прибалтийский акцент, то быстро, совсем просто, как деревенский паренек: "Ну, я прямо не знаю, что и сказать".

Время, на фоне которого размывается действие, определено. Это 1940 год. Время, далеко не самое светлое в истории Японии. Сакисака — явный сторонник политики государства, да и цензором-то он стал случайно. Он человек военной закалки, жесткий и прямой, а Цубаки аполигичный художник, мало интересующийся игрой, разворачивающейся на мировой арене. Но тема войны проходит в спектакле фоном и служит лишь для того, чтобы сделать громче звучание иной темы.

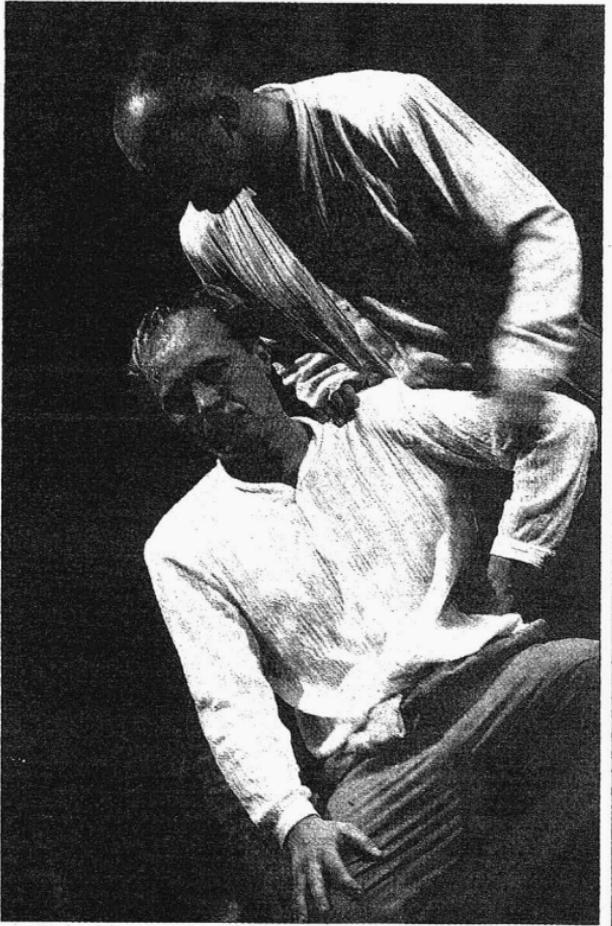
Затрагивается здесь и проблема цензуры. Автор Цубаки — один из тех деятелей "подполья", который встал перед выбором, либо переделать себя, либо пойти наперекор властям, пожертвовав, быть может, самым дорогим — своим детищем — театром. Цубаки выбирает первое, выписывая все нелепые и абсурдные условия цензора: меняет имена героям, переносит место действия на родную почву, вводит новых персонажей, вставляет патристические фразы. Но, вставая на флансацию: "За нашу любимую Родину!", Цубаки обращает ее в смех, рифмуя "Родина — смородина" или "Родина — ралсодина". Нет, все попытки изменить пьесу, а с ней и свое представление об искусстве, заканчиваются крахом.

Социальный контекст не столь актуален для режиссера, главный герой его

тра еще не окутала его своими сетями. Но уже в следующем поединке Сакисака вслушивается в слова, дает свои ценные указания и незаметно для себя становится соавтором. А еще через некоторое время он танцует в одном ритме с Цубаки. Таинственный диалог — путь к тому, чтобы говорить на одном языке. И действительно, Сакисака-Фоменко точно прослыдается после земной спячки, игра заворачивает и заражает его. Сам того не подозревая, он становится актером в проигрываемой одну из сцен. Надев маску, упрямый цензор больше не цензор, а подлинно увлеченный человек. Каменный колок, под которым

Победа искусства

Наталья НОВОЖИЛОВА

рассмотрены — само творчество и юмор, их сочетание способно растопить самые ледяные сердца и сделать человечнее самых непримиримых людей.

Цубаки ослепляет цензора Сакисака театром, медленно вливает в него яд театрального волшебства. Сначала он показывает отрывок из будущего спектакля, приняв образ то влюбленной девушки, то похитителя не в свое время священника, то помощника режиссера, званками давая понять своему отцу, что еще не пришло время его выхода. Панин ловко перебегает из одного угла в другой, "Фигаро тут, Фигаро там". Но Сакисака еще не готов включиться в диалог. Магия теа-

он сидел долгое время, разбивается. На сцену выходит трогательный Сакисака, одаренный чувством юмора.

Искусство в спектакле Романа Козака встает над политическими, военными драгмами, над условностями цензуры. Оно одерживает победу над скукой и серостью, открывая в человеке его настоящую природу.

• Андрей Панин и Николай Фоменко в спектакле "Академия смеха"

Фото ИГУТЕРМАНА

Морган 21 Веселье - Дел (муж) -